

Сергей Патрушев

В чѐм смѣсл ЖИЗНИ

Сергей Патрушев

В чём смысл жизни

<https://litres.ru/73961828>

SelfPub; 2026

Аннотация

В чём смысл жизни? Этот вопрос, простой и бездонный, однажды ночью вырывает успешного менеджера из привычной гонки за деньгами и статусом. В тишине опустевшей квартиры он начинает мучительный и честный разговор с самим собой, пытаясь понять, где и когда его жизнь свернула не туда.

От главы к главе герой проходит через все ключевые сферы человеческого бытия, словно через круги чистилища: он исследует природу денег и их власть над душой, пытается постичь тайну любви и горькую цену её отсутствия, осознаёт цену дружбы в мире полезных связей, возвращает себе забытую радость творчества и, наконец, спускается в самые тёмные и светлые глубины своего внутреннего мира. На этом пути он сталкивается с мучительным выбором между духовной свободой художника и сытым рабством трудяги, между всепоглощающей силой богатства и хрупкой чистотой настоящего чувства.

Эта книга — не сборник готовых ответов, а искренний дневник одного человека, рискнувшего начать жить по-настоящему.

Сергей Патрушев

В чём смысл жизни

Глава первая

Тишина в комнате стояла такая плотная, что, казалось, её можно было резать ножом. Я сидел в старом кожаном кресле, которое помнило ещё моего деда, и смотрел, как в луче настольной лампы медленно кружатся пылинки, совершая свой бесконечный, никому не ведомый танец. За окном давно стемнело, город затих, погрузившись в вязкую предрассветную дремоту, и только я один во всём мире, казалось, не спал, мучимый вопросом, который внезапно и властно завладел всем моим существом. Вопрос этот был прост и невыразимо сложен одновременно, он пугал своей бездонностью и манил какой-то смутной, почти забытой надеждой: в чём смысл жизни?

Ещё вчера я жил, как живут миллионы людей, не задумываясь о подобных вещах. Мой день был расписан по минутам: подъём по будильнику, чашка крепкого кофе, чтобы разогнать остатки сна, спешка в метро, где все лица сливаются в одно безликое пятно, работа, которая давно превратилась в рутину, вечерние новости по телевизору, разговоры ни о чём с друзьями, короткий, не приносящий отдыха сон.

Я был винтиком в огромном, слаженном механизме, и, казалось, меня это вполне устраивало. Я ставил перед собой цели: получить повышение, купить машину, съездить в отпуск на море, сделать ремонт в квартире. Достигая их, я испытывал мимолётную радость, которая очень быстро сменялась опустошением, и тогда на горизонте маячила новая цель, ещё более яркая и желанная. Это был вечный бег по кругу, но я не замечал этого, убаюканный мерным гулом повседневности. Я был уверен, что жизнь — это череда больших и маленьких побед, накопление материальных благ и приятных впечатлений. Зачем всё это? Для чего в конечном счёте? Эти вопросы я старательно гнал от себя, считая их пустой тратой времени, уделом философов-неудачников или подростков в период взросления. Я был взрослым, серьёзным, деловым человеком, у которого нет времени на бесплодные размышления.

Но вчера что-то сломалось. Это не было похоже на удар молнии или внезапное озарение. Скорее, это походило на то, как вода, капля за каплей, точит камень. Я возвращался домой после очередного трудового дня, такого же, как сотни других. В кармане пиджака лежал плотный конверт с премией, которую я так ждал. Я должен был радоваться, строить планы, возможно, позвонить кому-то и похвастаться. Но вместо этого меня накрыла волна невыразимой, глухой тоски. Я стоял в переполненном вагоне метро, смотрел на устав-

шие, серые лица вокруг и внезапно с пугающей ясностью осознал, что все мы, включая меня самого, пленники. Мы заперты в клетках собственных амбиций, страхов и иллюзий. Премия в кармане показалась мне фантиком, красивой, но пустой обёрткой, скрывающей абсолютную пустоту. Машина, о которой я мечтал, представилась мне просто грудой металла, которая будет возить моё брэнное тело из точки А в точку Б. Квартира, ремонт в которой я так тщательно планировал — всего лишь коробкой с более дорогими обоями. Всё потеряло смысл. Я почувствовал себя актёром, который посреди пьесы забыл не только свою роль, но и само название спектакля, и зачем он вообще вышел на эти подмостки. Этот вопрос, словно гулкий колокол, зазвучал в моей голове, заглушая шум поезда: «Зачем?»

Дома я не мог найти себе места. Включил телевизор — мелькание картинок вызывало только раздражение. Взял книгу — слова казались набором пустых звуков. Я сел в это кресло, служившее мне верой и правдой уже много лет, и как будто провалился в бездонный колодец собственного сознания. Впервые в жизни я остался один на один с этой всепоглощающей тишиной и с вопросом, который, словно древний зверь, проснулся в глубине моей души и требовал ответа. Я понял, что всю свою сознательную жизнь бежал от этого вопроса. Я заполнял её делами, встречами, покупками, развлечениями — чем угодно, лишь бы не оставаться в тишине.

Потому что в тишине, я это чувствовал, обитает нечто, с чем я не готов встретиться лицом к лицу. И это «нечто» — я сам, настоящий, лишённый всех социальных масок и ролей.

На столе, заваленном бумагами, стояла фотография в простой деревянной рамке. На ней был мой дед, тот самый, из чьего кресла я сейчас пытаюсь найти опору. Ему здесь лет тридцать, он стоит на фоне цветущего яблоневого сада и широко, открыто улыбается. В его глазах — ни тени сомнения, только свет и какая-то удивительная, почти забытая ныне цельность. Он не был философом, он был агрономом. Всю жизнь он прожил в деревне, вставал с рассветом и ложился с закатом. Его жизнь была простой и понятной: он сажал деревья, растил хлеб, строил дом, воспитывал детей. Смысл его жизни, казалось, был разлит в самом воздухе, которым он дышал, в земле, к которой прикасались его руки, в заботе о близких. Он не искал смысла, он его просто проживал. Я же, его внук, живущий в огромном городе, оснащённый всеми благами цивилизации, имеющий образование и доступ к любой информации, сижу посреди ночи и мучительно пытаюсь найти то, что ему было дано как естественный дар.

Отчего так произошло? Может быть, мы, современные люди, совершили какую-то чудовищную ошибку, променяв глубину на широту, мудрость на информацию, подлинное бытие на его симуляцию? Мы научились расщеплять атом,

летать в космос и передавать мысли на расстояние, но абсолютно разучились понимать самих себя. Мы создали невероятно сложный и удобный мир, в центре которого оказалась зияющая пустота. Мы обвешали себя гаджетами и умными устройствами, которые призваны экономить наше время, но времени у нас не стало ещё меньше. Мы постоянно спешим, но никуда не успеваем. Мы потребляем всё больше, но чувствуем себя всё более нищими. Этот разлад, эта вселенская трещина прошла прямо через моё сердце. Вопрос о смысле жизни — это вопрос не ума, а сердца. Ум может найти тысячу логических объяснений, построить стройные и красивые теории, но сердце не обманешь. Оно либо чувствует полноту и осмысленность каждого мгновения, либо кричит от боли, ощущая бессмысленную механистичность существования. Моё сердце кричало.

Я вспомнил один случай из детства, который, казалось, был давно и прочно забыт. Мне было лет семь или восемь. Мы гостили у деда в деревне. Стоял жаркий июльский полдень. Все взрослые ушли в дом, спасаясь от зноя, а я убежал в сад. Я забрался в самую гущу высокой, прогретой солнцем травы, лёг на спину и стал смотреть в небо. Небо было ослепительно синим, без единого облачка. Вокруг меня жужжали пчёлы, стрекотали кузнечики, пахло нагретой землёй, чабрецом и спелыми яблоками. В тот момент я не был ребёнком, я не был человеком, у которого есть имя и фамилия. Я был

просто частью этого огромного, живого, дышащего мира. Я чувствовал, как соки земли поднимаются по стеблям трав, как кровь бежит по моим жилам, как облака пара плывут в бескрайнем небесном океане. Время исчезло. Было только «сейчас», бесконечно длящееся, наполненное невыразимой гармонией и покоем. Это чувство было настолько полным, что не нуждалось ни в каком объяснении или определении. Смысл не нужно было искать, он был во всём и во мне, я был им. Я был им! Это чувство абсолютного единения с миром и есть, наверное, то, что мы, взрослые, так безуспешно пытаемся найти, вооружившись книгами, теориями и методиками. Мы пытаемся постичь смысл жизни, словно это теорема, которую можно доказать, или клад, который можно откопать. Но, возможно, он не познаётся, а переживается. Он не цель, а состояние.

Почему же я потерял это состояние? Куда оно ушло? Ответ прост и страшен: я стал отдельным. Меня научили этому. Мне дали имя и сказали, что я — это я, а мир — это мир, что мы разные и существуем по отдельности. Меня научили ставить цели, достигать, конкурировать, оценивать, бояться. Страх стал моим главным двигателем. Страх не успеть, страх оказаться хуже других, страх остаться без денег, без признания, без любви. Этот страх возвёл между мной и миром глухую стену, и я перестал слышать ту великую, безмолвную музыку бытия, которую так ясно ощущал в детстве

в дедовском саду. Мой ум, словно сорвавшийся с цепи пёс, начал бесконечно всё анализировать, дробить целое на части, классифицировать и навешивать ярлыки. Я перестал видеть лес за деревьями и жизнь за её отдельными проявлениями. Я превратил чудо в механизм и теперь удивляюсь, почему этот механизм кажется мне таким пустым и бездушным. Смысл утекает сквозь пальцы, когда мы пытаемся схватить его мертвой хваткой. Он раскрывается только тогда, когда мы отпускаем.

Ночь таяла. Чёрный квадрат окна начал сереть, наливаясь холодным, предрассветным светом. Пылинки в луче лампы всё так же кружились в своём безмолвном танце, но теперь он не казался мне бессмысленным. Каждая из них двигалась по своей, только ей ведомой траектории, подчиняясь потокам воздуха, законам физики и каким-то своим, непостижимым законам гармонии. Они просто были. И в этом «просто быть» заключалась какая-то фундаментальная правда. Я вдруг остро ощутил, что вопрос «в чём смысл жизни?», возможно, изначально поставлен неверно. Он предполагает, что жизнь — это средство для достижения какой-то внешней цели, что смысл находится где-то вовне, в будущем, и до него нужно дорасти, его нужно заслужить, найти. А что, если это не так? Что, если жизнь сама по себе и есть цель и смысл, а всё остальное — лишь декорации, которые мы принимаем за реальность? Мы подобны рыбе, которая, плавая в

океане, отчаянно ищет воду. Мы живём в океане смысла, но спрашиваем, где же он.

Мой дед не задавал себе этого вопроса, потому что он и был тем океаном. Он не отделял себя от своего сада, от своей работы, от земли, которая его кормила. Его жизнь была сплошным ответом, выраженным не в словах, а в действиях. Он познал счастье не через погоню за ним, а через полную самоотдачу тому, что он делал. Я же, продукт современной цивилизации, ищу ответ на вопрос, который сам же и породил своей оторванностью от корней. Я пишу длинные философские эссе, вместо того чтобы просто жить. И всё же, этот ночной кризис, эта мучительная бессонница, это чувство беспросветной тоски были не проклятием, а благословением. Это был звоночек, сигнал о том, что мой внутренний компас сбился и я иду не туда. Боль — это не всегда плохо. Иногда это единственный способ, которым жизнь может достучаться до нас, уснувших на ходу.

Я понял, что поиск смысла — это, возможно, самый важный путь, который может пройти человек. Но это путь не вовне, а внутрь. Это не восхождение на вершину, а спуск в самую глубокую и тёмную пещеру собственной души. Смысл — это не формула, которую можно найти в умной книге и применить ко всем случаям жизни. Смысл у каждого свой, уникальный, как отпечатки пальцев, и в то же время уни-

версальный, как закон всемирного тяготения. Он не может быть навязан извне, его нельзя купить или получить по наследству. Его можно только выстрадать, выносить и родить самому. И начинается этот путь с честного признания того факта, что я не знаю. Не знаю, зачем я здесь. Не знаю, куда я иду. Это незнание — не слабость, а первая ступень к подлинному знанию, потому что оно сметает все готовые, заёмные ответы и оставляет только чистый лист. И этот чистый лист моей жизни лежал сейчас передо мной, подёрнутый серой дымкой рассвета.

Первый луч солнца, ещё робкий и неуверенный, прорезал утренний сумрак и упал на фотографию деда. Его улыбка, казалось, стала ещё теплее, словно он говорил мне из своего далека: «Не ищи сложных путей. Всё просто. Будь там, где ты есть. Делай то, что делаешь, с полной отдачей. Люби тех, кто рядом. Слушай тишину. Смотри на небо. Расти свой сад». Может быть, в этом и заключается весь секрет? Не в том, чтобы найти какой-то один, грандиозный и окончательный Смысл с большой буквы, а в том, чтобы вернуть себе способность видеть смысл в малом, в простых и повседневных вещах, из которых и соткана ткань бытия? Вкус хлеба, тепло руки близкого человека, красота заката, работа, сделанная на совесть — не есть ли это и есть те самые драгоценные нити, сплетая которые мы ткём полотно своей судьбы? Мы ждём грома и молнии, откровения, которое перевернёт

всю нашу жизнь, а оно шепчет нам еле слышно в каждом дуновении ветерка.

Город за окном просыпался. Послышался шум первых машин, где-то далеко залаяла собака. Тишина, которая несколько часов была моим единственным собеседником и мучителем, начала отступать, уступая место привычному городскому гулу. Но внутри меня тишина осталась. Она изменилась. Из враждебной пустоты она превратилась в спокойное, сосредоточенное внимание. Я посмотрел на свои руки. Это руки моего деда, только менее натруженные, более изнеженные. В них течёт его кровь, во мне продолжается его жизнь. Может быть, смысл моей жизни — это найти способ, как воплотить его простую и глубокую мудрость в этом сложном и раздробленном мире? Как построить свой собственный сад, не обязательно из яблонь, но сад своей души, где царили бы мир, созидание и любовь? Как перестать делить мир на «я» и «оно» и снова почувствовать то детское, всеобъемлющее единство с мирозданием, когда ты просто есть, и это «есть» наполняет тебя до краёв без всякой на то причины?

Ответов у меня не было. Я встал с кресла, чувствуя, как затекло всё тело. В окне уже вовсю разгорался новый день. Обычный, серый, будний день, наполненный делами и заботами. Но что-то неумовимо изменилось. Я смотрел на этот

мир уже не как на врага или декорацию, а как на загадку, которую мне предстоит разгадывать всю жизнь. Вопрос «в чём смысл жизни?» больше не висел надо мной как дамоклов меч. Теперь он лежал в моём сердце как драгоценный, путеводный камень, как компас, стрелка которого, пройдя через все бури и сомнения, в конце концов всегда указывает на одно — на самую Жизнь, проживаемую во всей её полноте, здесь и сейчас. Я пошёл на кухню, чтобы сварить себе кофе. Самый обычный кофе. Но почему-то мне казалось, что его вкус сегодня будет совершенно особенным. Первый глоток нового дня. Первое слово новой главы.

Глава вторая. Деньги

Кофе оказался именно таким, как я и предчувствовал — горьким, обжигающим и невероятно настоящим. Я стоял у окна своей маленькой кухни, сжимая ладонями тёплую керамическую кружку, и смотрел, как утренний свет заливает крыши соседних домов. После бессонной ночи, проведённой в странном, почти мистическом бодрствовании наедине с вопросом о смысле жизни, реальность обрела какую-то новую, чуть звенящую чёткость. Я словно протёр запylённое стекло, через которое смотрел на мир. Всё было прежним, и в то же время всё изменилось. Только одно оставалось неизбле-мым, тяжёлым грузом лежащим в кармане моей души — это был конверт с премией, который я вчера с таким безразличи-

ем бросил на тумбочку в прихожей. Он лежал там, пухлый, белый, запечатанный, и от него, казалось, исходило какое-то невидимое излучение, требующее к себе внимания. Вопрос о смысле жизни недолго оставался в одиночестве, он тут же привёл за руку своего вечного спутника, своего близнеца и антагониста — вопрос о деньгах.

Отношения с деньгами у меня всегда были запутанными, как клубок змей. Я презирал их в юности, читая запоем книги о духовных исканиях, где материальное благополучие выставлялось едва ли не главным врагом всего святого. Я, начитавшись восточных мудрецов и европейских аскетов, искренне верил, что деньги — это грязь, и чем меньше ты к ним прикасаешься, тем чище твоя душа. Однако, жизнь, этот великий насмешник, быстро расставила всё по своим местам. Голодный студент, перебивающийся с хлеба на воду, быстро понимает, что духовность на пустой желудок — удел избранных. Позже, когда я начал зарабатывать, презрение сменилось азартным интересом. Я втянулся в эту гонку, и деньги стали для меня синонимом свободы, успеха, признания. Я измерял ими свою значимость, как измеряют температуру больного. Моя самооценка скакала вверх и вниз вместе с цифрами на банковском счету. Я стал заложником этого бесконечного марафона, где финишная лента всё время отодвигалась. И вот теперь, после того как фундамент моего мировоззрения дал трещину, я смотрел на этот конверт и не

знал, что мне с ним делать. Что такое деньги? Эквивалент моего потраченного времени и сил? Символ моей успешности? Или просто зелёная бумага, которой мы, по какому-то всеобщему молчаливому сговору, придаём такое колоссальное значение?

Я вспомнил деда. В его мире деньги, конечно, были. Они были нужны на семена, на новый плуг, на ситец для бабушкиного платья, на учёбу моему отцу. Но они никогда не были целью. Они были средством, таким же простым и понятным, как лопата или топор. Они не обладали над ним мистической властью, не терзали его душу по ночам. Он работал не ради денег, хотя и получал их за свой труд. Он работал ради самого труда, ради того, чтобы сад цвёл, чтобы хлеб колосился, чтобы в доме было тепло и уютно. Деньги были просто следствием, естественным и не самым важным результатом его созидательной деятельности. Они были слугой, но никак не господином. Я же, как и миллионы моих современников, совершил роковую подмену. Я поставил телегу впереди лошади. Смыслом моей деятельности стали именно деньги, а сама деятельность превратилась лишь в неизбежное и часто неприятное условие их получения. Я продавал своё время, свою энергию, свой интеллект, по сути — саму свою жизнь, в обмен на абстрактные цифры, чтобы потом обменять эти цифры на вещи и впечатления. Не в этом ли кроется одна из главных причин того вселенского опустошения, которое я

ощутил? Я перестал видеть смысл в самом процессе жизни, переместив его в результат, измеряемый в денежных знаках. Но результат никогда не приносит удовлетворения, потому что он всегда конечен, в то время как душа жаждет бесконечного процесса, вечного течения.

Мы живём в мире, который словно помешан на деньгах. Об этом говорят шепотом и кричат с экранов, этого жаждут и этого боятся. Нам с пелёнок внушают, что счастье — это обладание. Купи машину, и ты станешь свободным. Купи этот крем, и ты станешь вечно молодым. Накопи миллион, и ты решишь все свои проблемы. Мы превратили деньги в магический артефакт, который, как нам кажется, способен заштопать любые душевные раны, заполнить внутреннюю пустоту и даже откупиться от самой смерти. Самая старая и самая лживая мечта человечества — это мечта о том, что богатство приносит покой. Но парадокс в том, что чем больше мы имеем, тем сильнее наша тревога. Мы начинаем бояться потерять то, что накопили. Наша клетка становится золотой, но от этого она не перестаёт быть клеткой. Мы окружаем себя заборами, сигнализациями, банковскими ячейками и юридическими барьерами. Мы прячем свои сокровища от мира, и в этом прятании незаметно прячем от мира и самих себя. Мы боимся грабителей, но самый страшный грабитель уже внутри нас — это наш собственный страх, который крадёт у нас радость каждого дня, заменяя её на изматывающее

беспокойство о дне завтрашнем. Я знал людей, у которых были миллионы, но их глаза были глазами затравленных зверей. Они не могли спокойно есть, потому что боялись, что их отравят. Они не могли доверять друзьям, потому что видели в каждом охотника за их состоянием. Обладание обладало ими.

Я отставил кружку и прошёл в прихожую. Конверт всё так же безмолвно лежал на тумбочке. Я взял его в руки и почувствовал его вес. Странно, но он был почти невесомым. Обычная бумага. Я разорвал его и вытряхнул на ладонь пачку купюр. Они были новенькие, хрустящие, ещё пахнущие типографской краской. Я смотрел на них, и в моей памяти всплыл образ из раннего детства. Мне, наверное, года четыре. Бабушка на кухне печёт пироги с капустой. Аромат стоит на весь дом. Я тяну к ней руки, а она, смеясь, даёт мне маленький кусочек теста, чтобы я тоже «помогал». Я мну его в ладошках, катаю колбаской, делаю из него какие-то немислимые фигурки. Я полностью поглощён этим процессом, я — творец, созидатель. Я ничего не жду взамен, кроме улыбки бабушки и горячего, румяного пирожка, который только-только вынут из печи. Это счастье? Абсолютное, стопроцентное, беспримесное счастье. И оно не стоило ни копейки. Оно рождалось из любви, заботы и сопричастности. Мог ли я тогда, чумазый от муки, представить, что через тридцать лет я буду стоять в прихожей своей квартиры и гипнотизировать

пачку денег, пытаюсь найти в них нечто, способное вернуть мне то, детское чувство полноты бытия? Абсурд. Чудовищный, нелепый абсурд.

Почему же мы так легко попадаемся в эту ловушку? Может быть, дело в страхе. В том самом экзистенциальном ужасе, который сидит в каждом из нас. Деньги создают иллюзию контроля. Иллюзию того, что мы можем управлять своей жизнью, защититься от её ударов, подстелить себе соломки на любой случай. Когда у тебя толстый кошелёк, кажется, что и беда не так страшна. Но это ложь. От главных бед — от предательства, от болезни, от смерти близких, от собственной смертности — не откупиться. Самый дорогой гроб не избавляет от ужаса небытия. Самая дорогая клиника не гарантирует исцеления. Мы пытаемся заслониться деньгами от бездны, но бездна просвечивает сквозь любые купюры. И чем выше мы возводим свою золотую башню, тем страшнее нам смотреть вниз. Истинная безопасность не вовне, она внутри. Она в том, чтобы научиться принимать жизнь во всей её полноте, с её радостями и горестями, с её дарами и потерями. Это принятие, это мужество быть не продаётся и не покупается. Ему можно только научиться, и цена ему — вся твоя жизнь.

Я вспомнил историю, которую мне рассказывал один старый друг, журналист. Он однажды делал репортаж из стран

Африки, из глухой, забытой богом деревни, где люди жили в глиняных хижинах и питались тем, что вырастили сами. Их материальное благосостояние, по нашим меркам, было нулевым. Голые дети, тощие куры, отсутствие электричества и водопровода. Но он рассказывал, что его поразили их глаза. Они светились. Они смеялись искренне и легко, как смеются дети. По вечерам они собирались вместе, пели песни, играли на самодельных барабанах. У них было общинное чувство жизни, когда радость и горе — одни на всех. У них не было чувства изолированности, атомарности, которое так мучит нас в наших бетонных ульях. Они были бедны вещами, но богаты друг другом и ощущением своей принадлежности к чему-то большему — к племени, природе, циклу жизни. Конечно, не стоит идеализировать бедность. Голод, болезни, отсутствие возможностей — это ужасно. Но эта история была не о прославлении нищеты, а о том, что счастье и чувство осмысленности жизни находятся вообще в другом измерении. Они не коррелируют напрямую с толщиной кошелька. Они растут из чувства связи, из любви, из творчества, из преодоления трудностей вместе с другими людьми.

А что же мы? Мы, жители мегаполисов, обладаем всеми чудесами техники, но мы катастрофически одиноки. Мы можем заказать еду одним кликом, но мы не знаем вкуса хлеба, испечённого своими руками. Мы смотрим сотни лиц в социальных сетях, но у нас нет одного близкого друга, кото-

рому можно излить душу в три часа ночи. Мы заменили реальность симуляцией, а глубину — бесконечным скольжением по поверхности. И в этом скольжении деньги стали универсальным посредником. Они заменили нам и общение, и творчество, и даже любовь. Ведь можно нанять дизайнера, который создаст уют в твоём доме. Можно нанять массажиста, который снимет твои стрессы. Можно даже нанять психотерапевта, который выслушает твои проблемы за почасовую оплату. Но уют, созданный чужими руками, не согревает душу. Массаж снимает напряжение в мышцах, но не в сердце. А терапевт слушает тебя, потому что это его работа. Мы пытаемся купить то, что продаётся только за валюту души — за искреннее участие, за неподдельный интерес, за любовь. И терпим крах, расплачиваясь за этот самообман всё той же звенящей пустотой внутри.

Я аккуратно сложил купюры обратно в конверт. Я вдруг очень ясно осознал одну простую вещь. Проблема не в деньгах. Проблема во мне. В моём отношении к ним. Деньги — это идеальное зеркало. Они лишь усиливают и проявляют то, что уже есть в человеке. Если человек глуп, деньги сделают его ещё глупее и смешнее, предоставив ему сцену и микрофон. Если человек зол и завистлив, деньги дадут ему инструменты для разрушения и мести. Если он пуст, его пустота станет вопиющей, оглушительной, кричащей со страниц глянцевого журнала о его бессмысленных приобретениях.

ях. Но если человек мудр и добр, деньги могут стать огромной созидательной силой. Они могут накормить голодных, построить больницы, поддержать искусство, дать образование детям. Они могут освободить время для размышлений и творчества. В этом смысле деньги — это концентрированная жизненная энергия, которая может быть направлена как на разрушение, так и на созидание. Это не добро и не зло. Это сила. И как любая сила, она требует умелого и ответственного обращения. Моя ошибка была в том, что я пытался найти в деньгах то, чего они дать не могут — смысл. Я использовал их как костыль для хромой души. Но костыль никогда не вылечит ногу. Он может только помочь передвигаться до тех пор, пока не начнётся настоящее исцеление. Я же пытался бегать на костылях марафон, удивляясь, почему так болит всё тело.

Я вернулся на кухню и посмотрел на часы. До начала рабочего дня оставался ещё час. Внутренний менеджер, сидящий у меня в голове, принялся было нашёптывать о предстоящих встречах, дедлайнах и неотвеченных письмах. Но сегодня его голос звучал как-то глухо, неубедительно. Я понял, что не поеду в офис. Впервые за много лет я позвоню и скажу, что заболел. Это будет моя первая маленькая инвестиция в самого себя, не в того себя, который зарабатывает деньги, а в того, который пытается понять, зачем он живёт. Возможно, это и есть то самое пресловутое начало пути? Не

поиск какого-то конкретного ответа, а постепенное отслаивание от себя всего ложного, наносного, чужого. В том числе и ложного отношения к деньгам. Нужно перестать делать из них кумира и перестать их демонизировать. Нужно просто вернуть их на то место, которое они и должны занимать — место полезного инструмента. Молотком можно забивать гвозди и строить дом, а можно проломить человеку голову. Но никому не приходит в голову молиться на молоток или считать его исчадием ада. Почему же с деньгами всё иначе?

Я сварил себе ещё одну чашку кофе и сел за стол. Солнце поднялось уже высоко, и его свет, упавший на столешницу, был полон тепла и обещания. Я достал из ящика старую, потрепанную записную книжку, которую не открывал, наверное, года два. На первой странице ещё сохранилась надпись, сделанная моим нетвёрдым почерком в университетские годы: «Куда я иду?». Вопрос, который я тогда считал юношеской блажью, теперь обрёл новую, пугающую серьёзность. Я перевернул несколько страниц и начал писать. Я писал не о том, как заработать больше денег. Я писал о том, на что я хочу тратить саму свою жизнь. Что для меня по-настоящему ценно? Что я хотел бы создавать? Какие отношения я хотел бы строить? Какой след, пусть самый маленький, я хотел бы оставить? От денег я перешёл к ценностям. И это было похоже на прочистку засорившегося родника. Сначала шла мутная вода — общие слова, социально одобряемые клише. Но

потом, постепенно, начали пробиваться чистые, прозрачные струи. Свобода творить. Глубина отношений. Здоровье. Познание. Помощь другим. Тишина. Способность радоваться простым вещам. Я посмотрел на этот список. Ни один его пункт не измерялся деньгами. Для их достижения нужны были совсем другие ресурсы: время, внимание, смелость, любовь. И я с удивлением обнаружил, что эти ресурсы у меня есть. Они просто были похоронены под грудой ложных целей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.